

УДК [811.161.1+811.111+811.58]’42:821-7(045)

*Кан Синъюнь***ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ
В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

В статье исследуется модель антропонимической метафоры в русско-китайском и англо-китайском художественном юмористическом дискурсе, представленная говорящим именем, прозвищным именем, прецедентным именем. Цель исследования состоит в выявлении дискурсивных возможностей антропонимической метафоры, характеризующих процесс транспонирования метафорических смыслов из русской и британской лингвокультур в китайскую. Материалом для анализа послужили юмористические произведения А.П. Чехова и П.Г. Вудхауза в оригинале и переводе. Методологическим основанием работы является синергетическая концепция переводческого пространства Л.В. Кушниной, согласно которой качество переведенного дискурса обладает разной степенью гармоничности. В случае гармоничного перевода текст становится неотъемлемым компонентом принимающей культуры и естественным образом воспринимается реципиентами. И наоборот, дисгармоничный перевод означает непонимание со стороны реципиентов. Промежуточное положение занимают эквивалентный и адекватный переводы. В работе уровни гармоничности были соотнесены с уровнями метафоричности, что позволило выявить следующие уровни: полная реметафоризация, частичная реметафоризация, нейтрализация, деметафоризация. Как показал наш анализ, динамика моделей антропонимической метафоры разворачивается в лингвокультурном и когнитивном направлениях, что определяет характер дискурса принимающей культуры, а именно, сохранение, воссоздание или исчезновение юмористического эффекта. В случае реметафоризации имеет место синергетическое приращение новых смыслов, их полноценное или частичное воссоздание. При нейтрализации метафорические смыслы приобретают характер стертой метафоры и почти не осознаются носителями языка. При деметафоризации имеет место переводческая ошибка, а сам перевод признается дисгармоничным.

Ключевые слова: модель антропонимической метафоры, транскультурная модификация, говорящее имя, прозвищное имя, прецедентное имя, художественный юмористический дискурс.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-439-443

Исследование функционирующего языка в настоящее время является центром притяжения многих лингвистических направлений: лингвистики текста, лингвистики дискурса, когнитивной лингвистики, когнитивного переводоведения и пр.

В рамках нашего исследования обратимся к когнитивно-дискурсивной парадигме процесса метафоризации антропонимов в художественном юмористическом дискурсе и проанализируем как исходные, так и переводные антропонимические метафоры, представленные моделями говорящего имени, прозвищного имени, прецедентного имени. Каждая модель антропонимической метафоры имеет свою специфику и обладает определенными характеристиками, которые стали предметом нашего изучения и классификации в рамках дискурса оригинала, а также материалом для типологизации внутри каждой конкретной модели в переводном дискурсе.

Функционирование антропонимической метафоры в юмористическом дискурсе потребовало обращения к современным трактовкам юмористического дискурса. Заметим, что его изучение восходит к работам российских и зарубежных ученых XX в., среди которых особую роль играют работы М.М. Бахтина по карнавализации смеховой культуры, исследования онтологии юмора в работах Б. Дземидока, В. Раскина, Л.В. Карасева и др. Наибольшую значимость приобрели положения, раскрывающие прагмалингвистические особенности и конститутивные признаки юмористического дискурса, изложенные В.И. Карасиком [2]. В основу нашего понимания юмора положено определение, сформулированное В.И. Карасиком: «... текст, погруженный в ситуацию смехового общения» [2, с. 896].

Материалом для анализа послужил художественный юмористический дискурс двух выдающихся писателей-юмористов XX в.: в России его представителем является А.П. Чехов, в Великобритании – П.Г. Вудхауз. В произведениях А.П. Чехова мы анализировали все три разновидности антропонимической метафоры, а в произведениях П.Г. Вудхауза мы изучали лишь прозвищные и прецедентные имена, т.к. говорящие имена не характерны для его творчества.

Личные имена собственные неоднократно становились объектом исследования. Наиболее значимые работы принадлежат А.В. Суперанской, О.И. Фоняковой, Н.В. Подольской, Н.В. Васильевой, В.В. Катерминой и др. В китайском языкознании мы опирались на исследование Е.А. Хамаевой, которой

удалось систематизировать теорию имени собственного на материале китайского языка и показать его национально-культурную специфику [9].

Наше исследование базируется на теории когнитивной метафоры, основы которой были заложены Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в конце прошлого века и получили интенсивное развитие в рамках отечественной метафорологии [7].

При изучении антропонимической метафоры как результата варьирования имени собственного в художественном тексте, мы исследовали антропонимическое пространство юмористического дискурса как некоего континуума, в котором формируются и функционируют специфические метафорические модели, представленные говорящим именем, прозвищным именем, прецедентным именем. В широком смысле, под метафорической моделью мы понимаем «существующую или складывающуюся в сознании носителя языка схему связи между понятийными сферами, которая может быть представлена определенной формулой: X – это Y» [10, с. 70]. Опираясь на данную трактовку, изложенную А.П. Чудиновым, мы сформулировали следующее понимание антропонимической метафорической модели в юмористическом дискурсе: культурно значимое имя собственное (говорящее имя, прозвищное имя, прецедентное имя), обладающее юморообразующим эффектом, т.е. окрашивая текст юмористической интенцией, придавая ему юмористическую тональность, воплощая смеховые стереотипы речевого поведения персонажей. Автор юмористического произведения сознательно и целенаправленно создает юмористическую антропонимическую метафору. Задача переводчика состоит в идентификации метафорической модели, которая является воплощением художественного образа. Чем более успешно метафорическая модель антропонима транспонируется переводчиком, тем наиболее вероятно воссоздание юмористического эффекта в переводном дискурсе, что мы определяем как гармоничный перевод (термин Л.В. Кушниковой).

Оценивая качество перевода, мы опираемся на синергетическую концепцию переводческого пространства Л.В. Кушниковой. Формулируя значение переводческого пространства, автор концепции пишет: «Важнейшим свойством переводческого пространства мы считаем его нацеленность на изучение многосмыслия исходного текста в динамике, что обуславливает порождение качественного перевода, столь же богатого разнообразными смыслами, смысловыми коннотациями, ассоциациями, пресуппозициями пр. Только такой текст может естественно войти в иную культуру, стать понятным иноязычным и инокультурным реципиентам» [6, с. 137].

Именно синергия смыслов приводит к гармонии. Применительно к процессу метафоризации антропонима синергия предполагает приращение новых смыслов, означающих, что метафора языка оригинала передается метафорой языка перевода. Порождение новой антропонимической метафоры или реметафоризация является результатом творческой речемыслительной деятельности переводчика, который не использует существующие в языке регулярные соответствия, что мы соотносим с адекватностью, а создает новые, нерегулярные, окказиональные соответствия, которые, с одной стороны, выражают идею автора, с другой стороны, понятны и приемлемы представителям другой лингвокультуры. Такой процесс мы обозначили как полная реметафоризация. Но мы выделили также частичную реметафоризацию и соотнесли ее с эквивалентностью. Исходя из того, что доминирующим приемом перевода антропонимов является транскрипция, которая лишает антропоним метафоричности, под эквивалентным переводом антропонимической метафоры мы подразумеваем такой перевод, при котором, наряду с транскрипцией переводчик создает метатекст, раскрывающий содержание исходной антропонимической метафоры. Понятие и разновидности метатекста были изложены В.А. Кашкиным, Н.А. Пластининой и др. [4; 8]. Мы опирались на их исследования, там дана развернутая характеристика переводческого метатекста или метаперевода, представляющего собой результат переводческой рефлексии: ссылки и сноски, переводческий комментарий, переводческие предисловия и послесловия, критические статьи о переводе и пр. Мы предположили, что, благодаря метатексту, реципиент сможет частично уловить и метафорический смысл антропонима, и тот юмористический эффект, который он порождает. Как показал наш анализ, исходная метафорическая модель может быть не выражена в переводном дискурсе, что мы обозначили термином деметафоризация, и что является дисгармоничным переводом. Так мы соотнесли критерии перевода с проявлением метафоричности.

Представим классификации метафорических моделей трех исследуемых типов антропонимической метафоры, на которые мы опирались при анализе дискурса оригинала.

Что касается говорящего имени, мы остановили свой выбор на классификации С. Влахова и С. Флорина, которые выделяют:

- аллюзивные говорящие имена;
- ассоциативные говорящие имена;
- говорящие имена, образуемые в результате фонетической игры [1].

При классификации прецедентных имен мы опирались на лингвокультурные параметры, изложенные В.В.Красных, и предметом анализа стали два типа моделей:

- национально-культурная антропонимическая метафора;
- универсально-культурная антропонимическая метафора [5].

В процессе классификации прозвищных имен мы обратили внимание на работы И.Ю.Карташовой, что позволило нам выделить четыре типа моделей:

- прозвищные имена с имплицитной образностью;
- прозвищные имена с эксплицитной образностью;
- прозвищные имена с факультативной образностью;
- прозвищные имена с динамической образностью [3].

Проиллюстрируем изложенные выше теоретические положения и обобщения на конкретных примерах. Обратимся к юмористической прозе П.Г. Вудхауза, который за свою долгую творческую жизнь, в период с 1917 по 1974 гг. создал около 100 произведений, продолжающих лучшие традиции британского юмористического романа. В России знакомство с его произведениями произошло лишь в конце XX в., а в Китае его переводят в настоящее время. Большинство исследователей подчеркивают трудности перевода произведений П.Г. Вудхауза, сравнивая их с переводом нонсенса.

В нашем исследовании мы изучали не только антропонимическую метафору текста оригинала, но и два варианта перевода на русский и на китайский языки. Мы использовали русский язык как фоновый, а китайский – как целевой.

В тексте оригинала на английском языке мы встречаем антропонимическую метафору, представленную моделью прозвищного имени, которое мы относим к прозвищу с эксплицитной образностью.

Оригинал (АЯ): *You can't deceive me. Not old **Hawk-Eye** Wooster.*

Перевод (РЯ): *Меня не проведешь. **Ястребиный Глаз** все видит.*

Перевод (КЯ): 你骗不了我, **伍斯特的鹰眼**洞察一切

Обратный перевод прозвищного имени (РЯ): **как глаза орла.**

Как видим, китайский переводчик использовал два способа перевода антропонимической метафоры: он выполнил смысловой перевод корневой морфемы, создавая тем самым новый метафорический образ исходного антропонима, а затем добавил транскрипцию англоязычного окончания, подчеркивая тем самым заимствованный характер исходного антропонима.

Оценивая результаты перевода с позиций концепции переводческого пространства, констатируем, что в данном случае имеет место приращение новых метафорических смыслов, что мы соотносим с полной реметафоризацией и гармоничным переводом, и что приводит к воссозданию юмористического эффекта.

Поясним наши выводы. Почему выбор переводчика мы признаем гармоничным? Для этого необходимо обратиться к сопоставлению символического значения птиц в русской и китайской языковых картинах мира. Согласно данным толковых словарей, орлиный глаз является самым острым в животном мире. Его зрение в несколько раз превышает зрение обычного человека. Ястреб обладает самым лучшим в мире цветным зрением, что особенно важно для хищников. В исследовании Цуй Лулу показано, что символика названий птиц различается в русской и китайской картинах мира, что обусловлено расхождениями в традициях, обычаях, социальных стереотипах, философии, религии и пр. Таким образом, символика птиц имеет национально-специфические особенности [11]. В Китае орел символизирует не только острое зрение, но также храбрость, бесстрашие, солнце и др. Вероятно, китайский переводчик заменил метафорическую номинацию *ястребиный глаз* на *глаза орла*, стремясь усилить метафорический образ персонажа. Этот процесс мы соотносим с синергетическим приращением смыслов и переводческой гармонией.

Данный пример показал порождение гармоничного перевода. В процессе лингвопереводческого дискурсивного анализа мы наблюдали и эквивалентный, и адекватный, и дисгармоничный перевод антропонимической метафоры с русского и с английского языков на китайский.

Будучи одной из форм концептуализации когнитивных процессов, антропонимическая метафора находит отражение в метафорической картине мира коммуникантов, принадлежащих различным лингвокультурам. Представляется, что не только автор оригинального текста, но и переводчик участвует в создании метафорической картины мира и становится не просто ее созерцателем, но и творцом. Это требует от него серьезных интеллектуально-эмоциональных усилий, эмпатийных способностей, проникновения в эксплицитные и имплицитные метафорические модели с целью их последующей транскультурной модификации, нацеленной на полноценное восприятие переводного дискурса реципиентами принимающей культуры. Приобщение китайских читателей к шедеврам российской и британской лингвокультур будет способствовать взаимопониманию и взаимоуважению. В этом заключается, на наш взгляд, миссия переводчика.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. М., 1986. 416 с.
2. Карасик В.И. Алгоритмы построения комических текстов // Вестник РУДН, 2018. Т. 22. № 4. С. 895-918.
3. Карташова И.Ю. Прозвище как явление русского устного народного творчества. М., 1985. 192 с.
4. Кашкин В.Б. Метакогнитивные исследования перевода // Десятые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. СПб, 2009. Вып. 10. С. 230-242.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М., Гнозис, 2003. 375 с.
6. Кушникова Л.В. Синергетическая концепция переводческого пространства // Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология. колл. монография под ред. Л.В. Кушниковой. М., Флинта, 2020. С.133-150.
7. Лакофф Дж, Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387-416.
8. Пластинина Н.А. Метакоммуникативная деятельность переводчика как переводческая стратегия // Вестник ПНИПУ. Вопросы языкознания и педагогики. 2016. № 1 (15). С. 50-61.
9. Хамаева Е.А. Китайские антропонимы. М., 2020. 272 с.
10. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с.
11. Цуй Лулу. Символика птицы в русской и китайской языковой картине мира //Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 4. Вып. 11. С. 3600-3605.

Поступила в редакцию 23.12.2022

Кан Синьюнь, ассистент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614000, Россия, г. Пермь, Комсомольский проспект, 29
E-mail: kangxinyun1994@163.com

Kan Sinyun

DISCURSIVE ANALYSIS OF ANTHROPONYMIC METAPHOR IN THE RUSSIAN, ENGLISH, AND CHINESE LANGUAGES

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-439-443

The model of anthroponymic metaphor in the Russian-Chinese and English-Chinese artistic humorous discourse represented by a speaking name, a nickname, and a precedent name has been examined in the article. The aim of the study is to identify the discursive possibilities of anthroponymic metaphor characterizing the process of metaphorical meanings transposition from the Russian and British linguistic cultures into the Chinese one. The humorous works of A.P. Chekhov and P.G. Wodehouse in the original and in translation became the material for the analysis. The methodological basis of the work is the synergistic concept of translation space by L.V. Kushnikova according to which the quality of the translated discourse has a different degree of harmony. In the case of harmonious translation the text becomes an integral component of the receiving culture and is naturally perceived by the recipients. And conversely, disharmonious translation means misunderstanding on the part of the recipients. An intermediate position is occupied by the equivalent translation and the adequate one. In the work the levels of harmony were correlated with the levels of metaphor, which made it possible to identify the following levels: complete remetaphorization, partial remetaphorization, neutralization, and demetaphorization. As our analysis has shown the dynamics of anthroponymic metaphor models is developed in linguocultural and cognitive directions which determines the discourse nature of the host culture, namely, the preservation, re-creation or disappearance of the humorous effect. In the case of remetaphorization there is a synergetic increment of new meanings,

their full or partial recreation. When neutralized, metaphorical meanings acquire the character of an erased metaphor and are almost not recognized by native speakers. When demetaphorization takes place there is a translation error and the translation itself is recognized as disharmonic.

Keywords: model of anthroponymic metaphor, cross-cultural modification, speaking name, nickname, precedent name, artistic humorous discourse.

REFERENCE

1. Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation]. M., 1986. 416 s. (In Russian).
2. Karasik V.I. Algoritmy postroeniya komicheskikh tekstov [Algorithms for constructing comic texts] // Vestnik RUDN [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia], 2018.t. 22. № 4. S. 895-918. (In Russian).
3. Kartashoval.Yu. Prozhivshche kak yavlenie russkogo ustnogo narodnogo tvorchestva [Nickname as a phenomenon of Russian oral folk art.]. M.,1985. 192 s. (In Russian).
4. Kashkin V.B. Metakognitivnye issledovaniya perevoda [Metacognitive translation studies] // Desyatye Fedorovskie chteniya. Universitetskoe perevodovedenie [Tenth Fedorov readings. University Translation Studies.]. SPb, 2009. Vyp. 10. S. 230-242. (In Russian).
5. Krasnyh V.V. «Svoj» среди «chuzhikh»: mif ili real'nost' ["One's own" among "strangers": myth or reality]. M., Gnozis, 2003. 375 s. (In Russian).
6. Kushnina L.V. Sinergeticheskaya koncepciya perevodcheskogo prostranstva [Synergetic concept of translation space] // Teoriya perevoda v klassicheskoy i sovremennoj issledovatel'skoj paradigme: ontologiya, metodologiya, aksiologiya [Translation theory in the classical and modern research paradigm: ontology, methodology, axiology. coll. monograph edited by L.V. Kushnina.]. Koll. monografiya pod red. L.V.Kushninoj. M., Flinta, 2020. S.133-150. (In Russian).
7. LakoffDzh, Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by] // Teoriyametafori[Metaphor theory]. M., Progress, 1990. S. 387-416. (In Russian).
8. Plastinina N.A. Metakommunikativnaya deyatel'nost' perevodchika kak perevodcheskaya strategiya [Metacommunicative activity of a translator as a translation strategy] // Vestnik PNIPU. Voprosy yazykoznaniiya i pedagogiki [Bulletin of PNRPU. Questions of linguistics and pedagogy]. № 1 (15). Perm', 2016. S. 50-61. (In Russian).
9. Hamaeva E.A. Kitajskie antroponimy [Chinese anthroponyms]. M., 2020. 272 s. (In Russian).
10. ChudinovA.P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikacii [Metaphorical mosaic in modern Political Communication]. Ekaterinburg, 2003. 248 s. (In Russian).
11. CujLulu. Simvolika pticy v russkoj I kitajskoj yazykovej kartine mira [Bird symbolism in the Russian and Chinese language picture of the world] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii I praktiki[Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2021, volume 4, issue. 11. S. 3600-3605. (In Russian).

Received 23.12.2022

Kang Xinyun, Assistant of the department of Foreign languages, linguistics and translation
Perm National Research Polytechnic University
Komsomolsky prospect, 29, Perm, Russia, 614000
E-mail: kangxinyun1994@163.com